

ГАЛИНА ШПРИНГЕР

**пос. Приобье,
Октябрьский район**

Галина Шпрингер - поэт, прозаик, публицист.

Галина Шпрингер (Флегентова) - поэт, прозаик, публицист.

С 2015 года член Ассоциации «Поэты Тюменской области», Тюменского областного отделения Ассоциации «Поэты Урала», с 2015 года являюсь почетным членом творческого объединения самодеятельных авторов Октябрьского района, «Серебряная Обь», с 2018 года член РОО «Союз поддержки творческой и научной интеллигенции и иных граждан «КОМПАС ГУМАНИЗМА». С мая 2020 года член Союза писателей Северной Америки, с июня 2020 года, член Тюменского регионального отделения Союза российских писателей. Главная ценность моей жизни- это моя семья: дети, внучки, мама, муж. В наше непростое время, желаю всем здоровья, здоровья и еще раз здоровья!

Ваша Галина ШПРИНГЕР

*Медицинским работникам
ХМАО-Югры посвящается*

КОВИД-19 ИЗНУТРИ

КОВИД-19 ИЗНУТРИ

Глава 1 Вирус

Серое, туманное утро. Второй день Анну знобит, и она чувствует лёгкое недомогание. И потому все краски за окном серые: и утро, и дождь, и плачущие окна, и фонари, мокнущие под дождём. И вроде бы тепло, но почему-то ей холодно. И мысли медленно тянутся, и думается о том, что все бежим, бежим куда-то, забывая о том, что на заре, можно вдохнуть туманность утра, запах рассвета, послушать тишину и музыку дождя, играющего грустный сонет, каплями, падающими на оконное стекло и по крышам. Мысли не дают покоя и продолжают навевать печаль о друзьях.

Она вдруг подумала, а когда они собирались на чай с шарлоткой просто так, не по поводу, смеялись и рассказывали свои новости, радовались жизни и общению. Она не помнит. Ветер растрепал листья тополя, и он замахал мокрой листвой, мол, не грусти, все этом в мире бrenном, преходяще. Подумалось, что в этой гонке, перестали они мечтать, идти к мечте, ждать радости и верить в Бога, превознося себя и свои силы.

На такой мажорной ноте Анна уснула.

А когда вновь открыла глаза, почувствовала, что рядом муж весь горит. Сон, как рукой сняло:

– Степан, проснись.

Муж открыл глаза, Анна поставила ему градусник, через минуту он запищал, показывая температуру тридцать девять и девять.

– Слушай, у меня слегка побаливает горло. Я вчера пил ледяной сок из холодильника. Не тревожься, пожалуйста, – проговорил Степан.

Анна дала ему таблетку парацетамола. И пошла готовить завтрак. Налила чай с малиной. Каша готовилась в скороварке.

Отметила про себя, что совсем нет сил, слабость, и подумала, что она, наверное, тоже заболевает.

По утрам Степан варил натуральный молотый кофе, ароматный, тонизирующий, экспериментируя с разными сортами кофе. Это был целый ритуал. И за час до завтрака, они пили этот удивительный напиток королей. Но сегодня он с трудом встал, слабость обрушилась на него, было ощущение,

что на грудь положили плиту, и ноги были ватными.

– Лежи, не вставай. Я приготовлю растворимый кофе. Твоя ангина пройдет и будешь снова варить свой фирменный напиток-кофе.

Степан послушался. Аннушка принесла ему кофе с молоком, и ещё чашечку чая с малиной, чтобы быстрее снижалась температура.

Он сделал глоток и удивился:

– Какой-то безвкусный кофе.

Она на кухне налила себе кофе в кофейную чашку. Кофе всегда своим ароматом разносился по всей квартире, но сегодня и она не почувствовала его запаха.

Кофе было выпито, парацетамол начал действовать, температура начала снижаться. Степан попросил кашу. Анна принесла рисовую кашу, удивилась, когда муж сказал, что каша безвкусная. Ей каша понравилась, она была вкусная с топленным маслом.

Степан поел и уснул. Рядом легла у его ног кошка Софья. Она так делала, когда кто-то из них заболел. Кошка вытянулась во всю длину, её серая шёрстка блестела. Она не спала, положив мордочку на лапы и грустными глазами глядела на мужа.

Анне не здоровилось, и она прилегла рядом со Степаном, засыпая, подумала «полежу пол часика и буду готовить обед». Но прошло два часа, их обоих разбудило курлыкание голубей за окном второго этажа, они гулили над окном, свив гнезда.

Она встала, закружилась голова, ухватилась за стул, чтобы не упасть, слабость была невероятной.

Кое-как сварила пельмени, сил готовить обед не было. И опять отметила, что пельмени ничем не пахнут.

И тут Анну осенило, она не чувствует запаха! Удивление сменилось паникой, и всплыл вопрос в голове, почему?

Она взяла банку с кофе, открыла её и понюхала, и не почувствовала этого чарующего, волнующего запаха кофе. Села на стул.

«Так, нужно успокоиться», – сказала она сама себе:

– Степан, иди сюда, – она позвала мужа.

Но Степан так ослабел, что уже не вставал с постели.

Тогда она подошла к нему, открыла баночку кофе и попросила понюхать. На его лице было удивление:

– Аннушка, я не чувствую запаха кофе.

Она присела к нему на постель, и страшная догадка появилась у неё:

– Это ковид, коронавирусная инфекция, ковид-19, которая уже два месяца свирепствует в стране. Это из-за него люди всей земли вынуждены не выходить из дома, быть на самоизоляции, одеть маски, перчатки, и бояться друг друга, чтобы не заразиться, – проговорила она вслух.

И в памяти всплыли все признаки этого заболевания: высокая температура, заложенность носа без насморка, сильная слабость, потеря обоняния и сухой кашель. Каждый день с экрана телевизора рассказывали об этих признаках коронавирусной инфекции.

Все сходится, подумала Анна. На лице пронеслась буря эмоций, удивление, негодование, и мелькнула тень страха. Но это были лишь мгновения.

Степан все больше тяжелел, прямо на глазах, температура ползала вверх, не помогал ни аспирин, ни парацетамол, присоединилась сильная головная боль, и он все время спал. Аппетита не стало. Он уже второй день отказывался кушать, только пил чай с лимоном и с малиной, который жена приносила ему.

Анна приняла решение, что нужно вызывать скорую помощь и сдать мазок на ковид:

– Степан! Я вызываю скорую.

Врачи скорой помощи приехали через пятнадцать минут.

Зашёл врач, одетый в комбинезон белого цвета, очки на глазах, маска, резиновые перчатки, на ногах бахилы. Не привычно было смотреть на врача в такой одежде в явь, а не по телевизору. Врач измерил им температуру, взял мазки из носа и из горла, подписал пробирки. Заполнил какие-то бумаги, и сказал, что мазок будет готов через три дня, в понедельник.

А слабость нарастала, как и температура, которая ползла все выше и выше, и ничем не сбивалась. Есть уже не хотелось совсем. Появилось чувство тяжести в груди, сухой кашель.

Анна прощупала пульс мужа, и то, что она услышала, ей не понравилось, пульс был сто двадцать ударов в минуту.

И все равно, даже на минуту, она не допускала, что её и мужа отделяют от смерти уже часы...

Утром в субботу раздался звонок по телефону от врача ковидной бригады:

– Доброе утро! Ваш мазок положительный, у вас обоих коронавирусная инфекция. Пожалуйста, никуда не выходите и ни с кем не контактируйте. Вы опасны для окружающих. Через час я привезу вам лекарство и начнёте лечение.

Но лекарство бригада привезла только через три часа.

А состояние Степана и Анны ухудшалось с каждой минутой, появилась одышка. Она уже с трудом двигаясь и соображая, открыла дверь, так как боялась, что приедет врач, а у неё не хватит сил это сделать.

Привезли лекарство. Но муж уже был в почти бессознательном состоянии.

Врач посмотрел на его серый цвет лица, синюшные губы, покачал головой и начал слушать лёгкие у Степана:

– Собирайтесь, нужно в больницу, у Степана Егоровича воспаление лёгких.

Как в замедленном фильме, она складывала в пакет что-то из лекарств, какие-то вещи, и понимала, что двигается очень медленно. С большим трудом подняла мужа. Врач вывел их через запасной выход дома. Последнее, что Анна запомнила, это их любимая кошка – Софья, сидела на лестничной площадке, забившись в угол, они её выпустили погулять, и её огромные глаза цвета виски кричали «вы меня бросили», в них Анна увидела: злость, страх, слезы. Но ведь кошки не умеют плакать...

Ей казалось, что скорая едет очень медленно. Врач надел кислородную маску на Степана, он задышался.

Анна понимала, что происходит что-то страшное, но до конца все происходящее до неё не доходило.

Из машины скорой она позвонила дочери и сообщила, что у них ковид, и они едут в больницу.

За окном мелькали верхушки деревьев, звенело, своей жарой, солнечное лето. Был июнь месяц. Жаркий день предвещал прекрасные выходные впереди, но только не для них.

Скорая подъехала к зданию бывшего наркологического диспансера, где сейчас расположилась инфекционная больница и в ней был развернут госпиталь по лечению больных с коронавирусной инфекцией. Врач легко выпрыгнул из машины, и позвонил, нажав на красную кнопку, находящуюся с левой стороны здания.

Анна смотрела через открытые двери машины. Выходить

им было запрещено, несмотря на то, что они были в масках. Здание, к которому они подъехали, было неказистым, одноэтажным, две входные двери, разделённые подъёмом для колясок и каталок. Оно было ничем не примечательно.

Через минуту дверь распахнулась, вышел человек, одетый в такой же специальный защитный костюм, как и врач скорой: по белому тканному комбинезону проходили голубые полосы, на лице был одет респиратор и зелёные очки, на ногах бахилы, на руках резиновые перчатки. Зрелище впечатлило даже их, выдавших виды медицинских работников. Они с мужем имели огромный опыт работы в медицине.

Степан лежал на носилках и его взгляд был мутным, и Анне показалось, что он был где-то далеко от неё. В её сознании, затуманенном высокой температурой, пролетали обрывки сказанных фраз врачом, обрывки мыслей пронеслись и не задерживались в голове.

Ей помогал доктор скорой, поддерживал, помогая подняться по ступенькам и завёл в приёмный покой, посадил на кушетку. Мужа вывели под руки два человека в защитных костюмах, он шатался, спотыкался, и тяжело дышал.

Глава 2 Госпиталь

В приёмном покое, два человека, одеты в такие же защитные костюмы, похоже, это были медицинские сестры, быстрыми ловкими движениями, несмотря на перчатки, взяли кровь из вены, измерили артериальное давление, температуру. Вошёл ещё один человек, одетый точно также, только вместо респиратора на нем была простая маска, на нем висел фонендоскоп*, это был врач. Он начал слушать лёгкие Степану, потом Анне. Доктор удивилась и вздохнула, а градусник снова зашкаливал за тридцать девять.

Ей казалось, что движения у всех медиков медленные и плавные, как будто они исполняют медленный, удивительный танец, и что это фантастический фильм или сон.

Но сон не заканчивался...

Их с мужем поместили в палату без дверей и с огромным окном без штор и с закрытой форточкой.

Фонендоскоп* – это медицинский прибор из двух резиновых трубочек с резонатором для выслушивания работы лёгких и сердца.

В палате стояло четыре металлические кровати, и было две подводки кислорода. Это была палата интенсивной терапии – ПИТ. Таких палат было восемь, а дальше по коридору было реанимационное отделение, с аппаратами искусственной вентиляции лёгких - ИВЛ, где двадцать четыре часа в сутки, врачи спасали больных с ковидом, вырывали их из лап смерти.

Степана положили и сразу подключили системы, вливали растворы, в нос вставили канюли – трубочки, по которым зажурчал кислород, проходя через жидкость во флаконе, и оживляя его лёгкие.

У Анны не было сил, и она уснула, словно погрузилась в забытие.

В обед принесли еду из трёх блюд в одноразовой посуде, но они с мужем не притронулись к ней. Раздатчица забрала обед нетронутым и принесла банку кипячёной воды и электрический чайник.

У Анны мелькнула мысль, зачем же столько воды?!

Но уже на следующий день, они были благодарны и за воду, и за чайник, потому что есть они не хотели, а вот пить, пили много.

Степан спал, лицо было красным, он прерывисто дышал. Анна положила ладошку ему на лоб, он пылал.

К четырём часам дня, зашла медсестра и принесла два одноразовых халата, две маски, две шапочки и две пары латексных перчаток:

– Одевайтесь, сейчас поедem на компьютерную томографию лёгких.

Медсестра с трудом подняла мужа, помогла ему присесть. И Степан с Анной начали одеваться. Каждое движение давалось с огромным трудом. И когда все были одеты, тут они почувствовали всю «прелесть» этой одноразовой одежды.

Стало нестерпимо жарко, дышать и так было трудно, а после одевания синтетических одноразовых халатов, стало ещё хуже.

Машины скорой, которая должна их отвезти на исследование все не было.

Зашла медсестра и извиняясь, объяснила, что сначала отвезут реанимационных больных, а потом и их.

Из окна палаты, Анна видела, как каждые сорок минут, подъезжала скорая, и на каталке вывозили реанимационных

больных, которые были одеты так же, как и они.

Только через четыре часа, когда уже им казалось, что они сварились в этой одежде, позвали и их в машину скорой помощи. На выходе им одели бахилы. Анна и Степан, шатаясь, и поддерживая друг друга под руки, вдохнув вечерний воздух, который ударил, пьянящей волной, в голову, сели в машину. В ней уже было трое больных из госпиталя и так же одетых в одноразовую одежду.

Медработник сел в кабину. Машина поехала. Анна смотрела в узкую полоску окна: мелькали деревья, высотные дома, спешили прохожие, попадались магазины, молодая женщина, держа за руку малыша лет пяти торопилась куда-то... Но все это было так далеко от них с мужем, где-то в прошлой жизни...

Скорая подъехала к многоэтажному зданию окружной больницы. Двое мужчин и одна женщина, легко выпрыгнули из машины и пошли в сторону больницы. Анна вышла с трудом, дышать стало ещё тяжелей. Степана подхватили водитель скорой и медицинский работник, он начал падать. Слабость валила с ног.

В отделении компьютерной томографии их встретил врач, одетый в такой же комбинезон, как и медики в госпитале. Невозможно было понять женщина это или мужчина, и только голос выдавал мужчину. Он был худой и высокий. Врач не разрешил снимать маску. Анну первую положили на стол, задвинули в томограф. Начали стучать молоточки, то громче, то тише. И голос врача говорил: «Задержите дыхание, не дышите. Дышите». Как же трудно было не дышать. И так продолжалось нескончаемо долго, и много раз.

После исследования, Аннушка еле отдышалась. Муж побелел, лицо стало восковое, он ловил воздух открытым ртом.

Потом она не помнила, как они доехали, и попали в свою палату.

...Сознание включилось, когда они начали дышать увлажнённым кислородом. Лицо у мужа порозовело.

Через час пришёл врач и объявил, что коронавирусная инфекция дала осложнение на лёгкие, и у них обоих двухсторонняя пневмония, поражено восемьдесят процентов лёгких:

– Если бы вы не приехали в больницу, то это могло

закончиться летальным исходом через несколько часов.

Врач говорил, говорил, что начинают лечение антибиотиками, и необходимо разжижать кровь лекарствами. И главное, нужно убить вирус ковида!

А до сознания Анны доносились отзвуки голоса доктора. И у неё в глазах застыл немой вопрос: «Как же так? Так быстро за сутки и лёгких почти уже нет».

Страшно?! Нет, ей не было страшно.

Она смотрела на мужа и боялась за его жизнь. Впервые за многие годы совместной жизни, ощутила, что может его потерять. И как кинжалом, полоснула боль по сердцу, и оно начало выплясывать, то побежало быстро, быстро, то замирало и переставало биться.

Ей не было страшно, они с мужем безоговорочно поверили врачам и медсёстрам, их умениям, знаниям, их чётким действиям, профессионализму, они доверили им свою жизнь.

Началось изнуряющее лечение этого страшного и коварного заболевания. Вечером принесли продолговатые розовые таблетки – калетру. Доктор объяснил, что пить их нужно два раза в день, в одно и то же время, что это единственное лекарство, которое может убить коронавирус. День за днём ежедневные капельницы, уколы, анализы, мазки, а потом и исследование сердца, внутренних органов... Одни медицинские работники сменялись другими, они следили за пульсом, давлением, температурой...

Тогда, начиная лечение, они ещё не знали, что калетра – это лекарство, которым лечат ВИЧ инфицированных больных, что это лекарство убивает не только вирус, но и наносит вред всему организму человека, вызывая снижение гемоглобина в крови, вызывая воспаление поджелудочной железы, печени, почек.

Анна и Степан смотрели с надеждой на спасение, выздоровление, на медицинских работников, как на Ангелов, у которых в защитных костюмах, в респираторах и очках, невозможно было различить ни цвета волос, ни цвета глаз, невозможно было разглядеть лицо, но их умелые, ловкие руки, делали дело, которое они знали в совершенстве. А как они подключали внутривенные капельницы! Аккуратно прощупывая вену, работая в двойных перчатках, несмотря на то, что тактильная чувствительность из-за этого была снижена, старались точно ввести иглу в вену. Медицинские

работники ежеминутно подвергали себя опасности заражения «ковидом-19».

Каково приходилось медикам – никто не мог даже представить!

Врач в первые сутки заходил в палату каждый час, одевая на палец Степану и Анне, небольшой прибор – «прищепку», который измерял уровень кислорода в крови, и частоту пульса. Сатурация** снижалась. Утром зашла медсестра и заговорила строго и требовательно с тревогой в голосе, обращаясь к Анне, и к Степану:

– У вас снижается уровень кислорода в крови, это плохо, уже девяносто два процента, вам нужно лечь на живот и продолжать дышать кислородом.

Анне было тяжело дышать, но, когда звонил телефон, и она пыталась ответить, то тут же начинала задыхаться.

Это потом много дней спустя, зайдя в интернет, Анна узнает, что больным коронавирусом, у которых осложнение – воспаление лёгких, легче дышать, лежа, на животе. И если содержание кислорода в лёгких снижается ниже допустимых пределов, то врачи переворачивают больного на живот, и он дышит в таком положении кислородом, не менее восьми часов в сутки. И это положение называется прон-поза. Анна узнала, что при низкой сатурации нельзя разговаривать, так как во время разговора может упасть уровень кислорода в крови, и состояние резко ухудшится, вплоть до реанимации.

Лекарство, которое должно было убить коронавирус, напомнило о себе практически сразу. У Анны и Степана начались все признаки осложнения на него.

В палате ПИТ не было раковины и туалета. Туалет был за стенкой, и туда нужно было ещё дойти, и там стояли горшки на несколько человек. У каждого больного был свой горшок. Вирус был так опасен, что все, что выделял больной коронавирусом, нужно было заливать дезинфицирующими средствами.

Семья Петровских выполняла все назначения врача, но их обоих выматывала тошнота и боли в животе.

—

Сатурация** — уровень насыщения кислородом крови.

Ваши нижние доли лёгких должны раздышаться, иначе они погибнут.

А дни тянулись медленно, за окном была одна и та же картинка: тополя, трава, приёмный покой и все подъезжающие, и подъезжающие машины скорой помощи, которые везли тяжёлых больных в госпиталь ежедневно.

Глава 3 Степан

Только на седьмой день Аннушке стало легче, снизилась температура до тридцати семи, и ей с каждым днём становилось лучше, несмотря на то, что появился кашель. Кашлять им обоим было больно, болела грудная клетка сзади и особенно в нижней части. Несмотря на жаркие июньские дни, Анна куталась в тёплую кофту и мёрзла.

Состояние Степана ухудшалось. Температура держалась на тех же цифрах, и когда она поднималась до сорока градусов, ему делали жаропонижающий укол.

Она просыпалась в пять утра, садилась рядом с ним, и положив руку на лоб, читала тихонько молитву. Он улыбался губами. Глаза были закрыты...

– Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя твое, да приидет царствие твое, да будет воля твоя...

А потом она смотрела в верхний угол палаты, глазами полными слез и просила:

– Господи, помилуй, прости ему все грехи. Спаси, Господи, Степана, помоги.

И плакала тихо про себя, она научилась так плакать, тихо про себя, чтобы не разбудить мужа.

В шесть утра зашёл доктор, измерил у Степана сатурацию, прибор показывал девяносто процентов, пульс сто двадцать, температура тоже оставалась прежней тридцать девять и девять:

– Если Степану Егоровичу не станет легче и не поднимется сатурация, будем его переводить в реанимацию и подключать на искусственную вентиляцию лёгких.

Она знала, что на искусственную вентиляцию лёгких переводят больных с нарушением функции дыхания, тогда, когда организм не может самостоятельно справиться, и аппарат дышит за больного.

Внутри у Анны все сжалось и похолодело, словно замёрзла душа.

Чтобы не расплакаться, она зашла в туалет и умыла лицо

холодной водой. И в этот момент услышала разговор двух врачей, один – их лечащий доктор, а другой из реанимации:

– Степану Петровскому не помогает антибиотик, ему нужен лекарственный препарат – кевзара. У нас есть для самых тяжёлых больных, но только одна ампула, но это же бессмысленно её вводить, больше препарата нет, и, если не ввести вторую ампулу толку не будет, – проговорил лечащий доктор.

– Мужика спасти надо, нужно вводить, иначе его придётся ко мне в реанимацию переводить, – ответил врач из реанимации.

– Решили, будем вводить и нужно искать ещё ампулу, перезвоню заведующей отделением, пусть ищет.

Аннушка ухватилась за раковину, ноги приросли, а сердце от страха за мужа, сжалось так, что потемнело в глазах.

Деревянными ногами она еле дошла до палаты. В этот момент, Степан позвал её:

– Аннушка, прости меня, родная, я ухожу, оставляю тебя одну, не могу больше, нет сил, – и скупая слеза скатилась у него из глаз.

Она побледнела, все оборвалось внутри:

– Ты, что говоришь, Степан?! А ну, прекрати, ты должен бороться за жизнь!

– Прости, не могу..., – прошептал он едва слышно, и прикрыл глаза.

И такая волна негодования, боли от бессилия, поднялась в ней, что Анна неожиданно для себя, с силой ударила мужа ладонью по щеке:

– Прекрати! Слышишь, прекрати! Ты должен жить! Борись! Ты же в церковь ходишь, знаешь все молитвы. Проси у Господа прощения и проси помочь!

Слезы потекли из её глаз нескончаемым потоком.

Степан от неожиданного удара открыл глаза и сжал ей руку:

– Прости меня...

На щеке остался красный след от её ладони.

И его губы зашевелились, он шёпотом, с большим трудом произносил слова молитвы:

– Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и не видимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век: Света от Света, Бога

истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша...

Его губы шептали, и шептали слова молитвы. Это была молитва «Символ Веры».

В этот момент зашёл врач:

– Степан Егорович! Будем вводить новое лекарство кевзару, капать в вену будем долго и медленно. Но вы нам должны помочь. Давайте, вместе приложим все усилия и справимся с болезнью.

Врач пожал руку Степану своей рукой в перчатках:

– Я верю в вас, вы сильный!

Анна все восемь часов, пока капали внутривенно новое лекарство, сидела возле мужа, смотрела в окно, держала его за руку. Он спал. Его небритое лицо осунулось, заострились скулы, и губы потрескались от температуры. Себя она не видела, собираясь в больницу, она не взяла зеркальце, а в палате его не было.

По небу плыли пушистые белые облака и небо было голубым, как глаза новорожденного ребёнка, и светило солнце, и шелестели листочки на деревьях, какая-то пичуга села на ветку и начала чирикать, и выводить трели.

А ей подумалось впервые в жизни, что если их не станет, то так же будет светить солнце, так же будут плыть облака и щебетать птицы, в мире ничего не изменится, все будет продолжать жить, только без них... И так захотелось поскорее вернуться домой, чтобы весь этот кошмар закончился...

И снова стало очень больно, и страх за мужа, сжал сердце. Она не замечала, что плачет...

Капельница закончилась, процедурная медсестра промыла катетер.

Степан спал. Анна потрогала его лоб и впервые, за время лечения, он был холодным, температура упала. Через час подошёл врач, и снова система, капельница, начали вводить гормоны, долго и медленно. В эту ночь она совсем не спала. Уже перед утром, Степан стал весь мокрый. Пришлось поменять одежду. В шесть утра он открыл глаза и улыбнулся, впервые за долгие дни болезни, и посмотрел на жену ясными глазами.

Кризис миновал. Но нужен был ещё один укол, она-то знала!

После завтрака Анна позвонила сначала заведующей

инфекционным отделением, потом начмеду, и главному врачу больницы. Заведующая сказала, что лекарства нет. Телефон главного врача не отвечал. Анна, позвонив начмеду, уже кричала по телефону на него:

– Если бы ваша жена умирала, то вы бы нашли лекарство.

Начмед рассердился, сказал, что лекарство нашли и его уже везут. Анна вспыхнула, что-то говорила на повышенных тонах. А в голове вертелась только одна мысль, которая не давала ей покоя, что нужно вторую капельницу прокапать с кевзарой через двенадцать часов.

Ей потом будет очень стыдно за то, что наговорила начмеду сгоряча, хорошему доктору, прекрасному руководителю. В народе о таких врачах говорят, что это врач от Бога.

Лекарство привезли только через двадцать четыре часа. И уже другой дежурный врач зашла и сказала об этом. И у Анны вырвался вздох облегчения.

Глава 4 Гюльчитай

После этой капельницы у Степана температура больше не поднималась выше тридцать шести, а потом и вовсе снизилась до тридцати пяти с половиной. Подошла медсестра в специальном защитном костюме, начала отсоединять систему от катетера. И в этот момент Степан открыл глаза и прошептал: «Гюльчитай». Он с этого дня стал так называть всех медсестёр и санитарок «Гюльчитай», ласково и нежно. Словно, как в фильме «Белое солнце пустыни», хотел попросить: «Гюльчитай, открой личико». Все «Гюльчитаи» были на одно лицо, только разного роста и комплекции, одни тонкие как тростиночки, другие полненькие, но все они работали в специальных защитных одноразовых костюмах-комбинезонах, сделаны они были из нетканого материала, влаго-воздухонепроницаемого. Под комбинезон была одета одноразовая пижама. На лице, поверх комбинезона был одет респиратор с клапаном, и как только он пропитывался влагой, то в нем становилось трудно дышать, а плотно прилегающие защитные очки, запотевали. На руках были одеты две пары перчаток, на ногах высокие бахилы. И бахилы, и перчатки плотно прибинтовывались скотчем к комбинезону, для полной герметизации. Эта одежда создавала парниковый эффект, так как все испарения шли внутрь комбинезона, тело не дышало и

теряло много влаги. Через несколько часов работы пот заливал глаза, становилось тяжело дышать от жары. Очень высокий риск перегрева. А к концу смены на лицах медиков появлялись следы от защитной маски и очков.

Одна из медсестёр запомнилась особенно, она называла Анну и Степана «чета Петровских». И они впервые за время лечения в больнице, увидели под защитными очками, ещё одни очки от близорукости, и её карие большие глаза. И капельки пота на лице. Очки запотели. Оказывается, их нужно было хорошо натирать жидким мылом или пеной для бритья, чтобы потом во время работы не пришлось делать уколы на ощупь. Её звали Тамара Петровна. Она была с Украины. Строгая, всегда собранная, быстрая, и обладающая высокими профессиональными навыками. Она была процедурной медсестрой, лучше и быстрее неё никто не попадал в вену. В госпитале находились на лечении восемьдесят человек, а рассчитан он был на шестьдесят. Доставалось Тамаре Петровне, она бегала от одной палаты к другой, в одной подсоединит систему, в другой отключит, в третьей сделает укол, и так всю смену...

Не только больные, но и медики привязывались друг к другу, пусть и ненадолго, на время лечения. Тамара Петровна беседовала с ними, каждый раз вселяя веру в выздоровление, рассказывала, что происходит за стенами госпиталя.

Как они, медики, выдерживали сутки в своих герметичных комбинезонах, в летнюю жару, было загадкой. Даже в лёгкой одежде было жарко. Когда нельзя было сделать даже глоток воды, сходить в туалет. А кроме этого у каждого медика был свой круг обязанностей, которые нужно было выполнять: одни были процедурными сёстрами, другие раздавали лекарство, **меряли** давление и температуру, третьи кормили больных и перестилали постель. И каждый медицинский работник – врач или медсестра, санитарка, раздатчица питания, – все они осознавали всю ответственность своей работы с больными коронавирусом, и были готовы к этой тяжёлой работе.

Анна с мужем заметила, что одни медики появлялись через двое суток, другие больше не приходили. Каждую неделю у всех сотрудников госпиталя брали мазки на ковид. Но медицинские работники тоже заболели коронавирусной инфекцией. Переболевшие ковидом медики, сотрудники госпиталя, работали в обычной одноразовой маске, не в

респираторе и врач имел возможность послушать лёгкие.

Не все медики были готовы морально и физически работать в ковидном госпитале. Некоторые медсестры отказывались работать из-за страха заразить своих близких родных людей. К концу смены в защитных костюмах было, как в бане. Некоторые же медики пробовали даже одевать памперсы, потому что, чтобы сходить в туалет, нужно было выйти из «красной зоны» и раздеться, но, к сожалению, от памперсов образовывались опрелости. Медперсоналу нельзя было быть и голодными, им доставляли еду в специальных одноразовых контейнерах.

Все медики говорили о том, что находиться в «красной зоне» более безопасно. «Красная зона» – это зона, где лежат больные с коронавирусной инфекцией. Медицинские работники в «красной зоне» находятся в специальных комбинезонах, одежда герметична, а это минимальная вероятность заражения. Но когда тот же медик идёт в аптеку, в магазин, в автобусе, и на нем только одноразовая маска, а рядом может быть больной коронавирусом, который ещё не знает, что болен, или у него болезнь протекает в бессимптомной форме, вот в это время возможность заражения огромная.

Анна впервые услышала в госпитале о «красной зоне», о «чистой зоне». Сложно одеваться в «чистой зоне», для перехода в «красную зону». Обязательно нужно, чтобы второй человек помогал, и проверил герметичность специального защитного костюма, но ещё сложнее выходить из «красной зоны». При выходе медики попадают в санпропускник, где их опрыскивают дезинфицирующими средствами, и только после этого они начинают раздеваться, действуя по инструкции.

Анна и Степан видели людей, которые лечили и спасали, заболевших коронавирусом, видели, как трудно было им работать в защите, и перед ними хотелось встать на колени за их самоотверженный труд!

Даже ночь не приносила прохладу, стояла изнуряющая жара. Анна просыпалась рано утром, было душно, и все думала: откуда взялась эта беда, этот коронавирус, он как снежный ком обрушился на весь мир. Уже горели от ковида-19: Китай, Италия, Испания, Америка, а теперь и Казахстан, и по всей России пошла вспышка коронавирусной инфекции. Но до конца не понимают люди, медики, учёные, вирусологи, что

это за страшная штука.

Почему одни люди болеют без симптомов, другие с осложнением с воспалением лёгких, а третьи уходят из жизни, умирают, их не могут спасти. И как страшно, если рядом с тобой находится больной без признаков заболевания, а в этот момент его лёгкие погибают, а он не знает об этом, и ты не знаешь, что уже заражаешься. Будет ли долгим иммунитет после болезни, не мутирует ли этот вирус ковид-19, так же, как и грипп?! Много вопросов возникало в голове у Анны, но ответов на них не было...

Когда чета Петровских боролась за свою жизнь, они не думали, как работают медики в этих не человеческих условиях жары и парникового эффекта комбинезонов. Только, когда Степану стало лучше, они оба стали замечать медсестёр, которым было тяжелее всего, врачей, которым необходимо было оценить тяжесть состояния больного по пульсу, сатурации, частоте дыхания, по томографии лёгких и по анализам, и быстро принять меры, назначить необходимое лекарство. Это заболевание коварное и ухудшение может наступить внезапно, когда его совсем не ждёшь.

Зашла Тамара Петровна, переставить мужу катетер, и Аннушка обратила внимание, как она тщательно нащупывала подушечками пальцев, вену, а на руках были одеты две пары перчаток. Из под защитных очков смотрели усталые глаза. Ее смена подходила к концу. Выходя, Тамара Петровна пошатнулась, и снаружи её подхватил доктор – реаниматолог. Это был, перегрев, который случался у медиков, в этих герметичных, защитных комбинезонах.

Глава 5 Дочь

Сегодня Анна первую ночь за время лечения в госпитале, уснула и спала крепким сном.

В семь утра раздался звонок мобильного телефона:

– Мама, мы все заболели, я и Танюша с Алёнушкой, – кричала в трубку дочь.

Анна слушала и не слышала, ей казалось, что она проваливается в какую-то чёрную бездну...

Заболела дочь, которой нельзя болеть, так как ещё не восстановилась после родов, и четырёхмесячная внучка Алёнушка и десятилетняя Танюша.

Слезы брызнули из глаз, нечто ужасное навалилось и

давило глыбой на сердце. У неё потемнело в глазах. Она ничего не понимала, а губы шептали:

– Господи! Как же так? Детей-то за что?!

Дочь всхлипывала:

– Мама! Ты меня слышишь? Что делать?

В её голосе слышалась растерянность, беспомощность, страх...

«Так, успокоилась быстро, и думай», – пронеслись мысли у Анны в голове. И она заговорила ровным голосом, а душа кричала, сердце разрывалось от боли за дочь, за внучек:

– Вызывай скорую! Пусть берут мазок и везут вас в больницу. Алёнушка совсем маленькая, мы не можем рисковать.

И прикрикнула на дочь:

– Возьми себя в руки!

А шепталось: «Родная моя девочка, да, что же это, да как же?! Господи! Где же ты? Помоги! Помилуй, Господи!».

Анна тихонько проговорила:

– Машенька, родная моя, собирайся потихоньку. И звони мне.

– Хорошо, мама, – ответила дочь еле слышно.

Анна не знала, что дочь бросала в пакет детские вещи, бутылочки, сухое питание, лекарство. Она бегала по квартире, растрёпанная, а глаза глубоко провалились и плакали.

До неё вдруг дошло, что это они с мужем заразили дочь и внучек. И холодная испарина выступила на лбу. И снова страх, шквальной волной, обрушился на неё. Страх за жизнь дочери, и внучек.

Она начала молиться вновь, глядя в верхний угол палаты, там ей виделась икона Иисуса, и шептала:

– Господи! Помилуй, моих детей, и внучек...

Она шептала и шептала слова молитвы, молилась и плакала, и снова просила:

– Господи, помоги...

Степан услышал, как плачет Аннушка:

– Ты чего?

А она бормотала: если, что случится с внучками, то она не переживёт. Дочь так трудно ходила беременная, потом роды, столько всего пережили за четыре месяца.

Степан понял, что она плачет, и она не в себе. Сна, как не бывало, он шатаясь подошёл к кровати, где сидела

раскачиваясь, Анна. Он обнял её и сказал: «Я рядом, родная. Все хорошо, все будет хорошо». Он прижал её к себе, сколько они так просидели... Время остановилось...

Принесли завтрак.

Дочь с детьми привезли в этот же госпиталь, где находились Анна и Степан. Но положили в другую палату, с дверями, с деревянными кроватями, холодильником, и с кроваткой для малышки и Танюши.

У дочери, Марии, сердце стало каменным, глаза плакали, но слез не было, глаза стали тёмными, как омут.

А дети были весёлыми, у них не было температуры. Только мазок на ковид был положительным. Мария потеряла обоняние и слегка подкашливала. Она очень боялась, что Алёнушка испугается врача в комбине зоне, в очках, с респиратором. Но малышка, увидев врача, начала улыбаться ему. И потянулась ручонками к пульсоксиметру***, пытаюсь схватить врача за палец в перчатке. Мария глянула на Танюшу, та тоже улыбалась. Что-то было парадоксальное, не укладывающиеся в сознании: врач в защитном костюме – это зрелище не из лёгких, улыбка грудного ребёнка, инфекционный госпиталь, где лежали тяжёлые больные. Это был кошмар наяву.

Но от этих детских улыбок растаяло сердце врача, и он улыбнулся в ответ, только под респиратором и очками, Мария не заметила этой улыбки. Дети восприняли доктора, как героя из мультяшек. И у Марии отлегло от сердца, дети даже не плакали, когда у них брали кровь. Врач послушал у детей лёгкие, померил уровень кислорода в крови, надев «прищепку» Танюше на пальчик, а Алёнушка вертелась, пришлось пульсоксиметр одеть на мочку ушка, потом им сделали рентген.

Через час доктор сказал, что воспаления лёгких, осложнения

коронавирусной инфекции, у детей нет. Затем Марию повезли на томографию лёгких. Прошёл ещё час, снова зашёл врач:

– У вас все хорошо, воспаления лёгких нет!

—

Пульсоксиметр*** – медицинский диагностический прибор для измерения уровня насыщения кислородом крови, прибор

в виде прищепки.

Я вам назначил таблетки плаквинила, детям закапываем в нос капли гриппферона. Продолжаем лечиться и наблюдаться.

Дочь в эту ночь не сомкнула глаз в тревоге за родителей, за детей, за мужа, который был на вахте. Ей подумалось: «Как он там?».

За эту ночь, она стала старше на целую жизнь. Там вчера была другая, мирная жизнь. А здесь, сейчас, все было, как на войне, только враг был

невидимым вирусом, страшным, злобным и безжалостным, который не щадил ни стариков, ни молодёжь, ни детей.

Перед утром Мария забылась тревожным сном, и снилось ей голубое, голубое озеро, с изумрудным отливом, спокойная гладь воды, по которому она плыла, Танюша плескалась в воде, брызги разлетались в разные стороны, сверкая на солнце. А Алёнушка сладко спала в коляске, рядом загорал её муж. И было тепло и хорошо. Она открыла глаза и поняла, что все будет хорошо.

Дети сладко спали. И Мария начала молиться Пресвятой Богородице, просила помочь деткам, мужу, родителям. А по щекам катились слезы...

Утром пришёл врач в палату и сказал, что мазок на ковид у четырёхмесячной Алёнушки отрицательный и их выписывают на долечивание домой.

Она подумала, что ослышалась. Переспросила, но доктор повторил, сказал, чтобы они собирались на выписку. Сердце выпрыгивало из груди от радости. Маша набрала маму:

– Мамочка, родная, нас выписывают! Не плачь, пожалуйста, у нас нет воспаления лёгких. Мы едем домой.

Аннушка слушала дочь, а слезы все текли из глаз, и она не могла их остановить, не могла сказать ни слова. Но это были слезы облегчения.

И снова ночью, она смотрела в верхний угол палаты и благодарила Господа, молилась, плакала и молилась.

Глава 6 Возвращение домой

Аннушка просыпалась рано, в пять утра, и на четырнадцатый день пребывания в госпитале, она уже не соскакивала и не подбегала к мужу, прислушиваясь к его дыханию, а тихонько лежала и смотрела в окно. У мужа

выровнялось дыхание, он перестал дышать с шумом, исчезла отдышка, и он уже не стонал во сне, а спал спокойно, и лицо, было умиротворённое. Вчера, она заставила его встать и побриться. Он совсем не хотел ходить, объясняя, что у него нет сил. Поэтому она дала ему в руки носки и сказала, чтобы он их постирал, так как себя плохо чувствует. Она хитрила, выискивая для него работу, то постирать, то воды набрать в чайник, чтобы он больше двигался, ходил, чтобы не было застойного воспаления в лёгких. Все эти мысли пронеслись за секунды...

Утро. Тихо. Она смотрела в огромное больничное окно и видела, как ветер играет листьями тополей, деревья качают верхушками, отзываясь на дуновение ветра. Ей казалось, что берёзки переговаривались, что-то шептали ветру своими молодыми, нежными листочками. По небу плыли причудливые, пушистые белые облака, а воображение рисовало ей то замки, зверушек, силуэты людей, то вдруг появилось очертание Святого с нимбом над головой. Облака были сказочными, они меняли формы, очертания, поражая своим изыском и фантазией. Как давно она не видела эту красоту. Анна любовалась красивым действием на небе, единением природы: земли и неба, живущие по своим Вселенским законам. На траве блестели жемчужины росы, тающие с восходом солнца.

Семья Петровских выздоравливала, благодаря усилиям, врачей, умениям медицинских сестёр, помощи друзей со всех уголков страны, которые молились за них, ставили свечи в храмах и заказывали службы за их здоровье.

Анна вдруг осознала, что пора отпустить, простить обиды души, на людей, на родных, и отдать душевные долги, помолвившись за всех, кто им причинял боль.

Весь день шёл проливной дождь, потоками обрушивался на здание госпиталя, на людей, идущих под зонтами, он будто бы смывал прошлое, своими струями. Прогредел гром, словно извещая о ценностях жизни, о том, что главное – это здоровье, любовь, семья, любимые, и сама жизнь.

Шли дни, был конец июня, им становилось все лучше, и лучше. Наконец наступил день, когда пришёл третий отрицательный анализ мазка на ковид. Зашёл доктор и сказал, что сегодня сделают контрольную томографию лёгких и он их выписывает.

Чета Петровских радовалась безмерно.

Их выписали из госпиталя поздно вечером. После четырёхчасовой обработки вещей и одежды ультрафиолетовой лампой, им открыли двери, и они вышли. Ударил в нос, почти опрокинул, поток воздуха, насыщенного разнотравьем, дождём, цветами...

У Анны и Степана закружилась голова, они целый месяц находились в госпитале. Они осторожно спускались с вещами по ступенькам, муж поддерживал Анну за локоток. А в это время их доктор, Николай Евгеньевич, смотрел из окна приёмного покоя, и его сердце сжалось от щемящей радости, за эту семейную пару, которая была спасена и ушла домой. Врачи каждый день с тревогой ожидают выписки любого больного. И медсестры, и врачи, спасая больных, прикипают к ним душой, радуются их успехам в борьбе за жизнь. Каждый выписанный больной – это ещё одна победа над вирусом, это доказательство того, что коронавирус – не приговор пожилым людям.

А вчера, вчера они потеряли больного...

Анна поставила пакет на землю и присела на ступеньку, чтобы отдышаться. Сил идти не было, ноги подкашивались. Она смотрела на зелень травы, которую видела из окна, на деревья, а глаза наполнялись слезами. Анна сделала глубокий вдох, наполняя лёгкие нектаром свежего воздуха.

Степан похудел, одежда висела на нем, как на вешалке. Руки дрожали. На лице появилась лёгкая щетина. Он поднял глаза к вечернему небу, и подумал, что они могли больше ничего этого не увидеть. В глазах застыли слезы. В эту минуту до него дошёл весь смысл происходящего. Они живы, их спасли, и впереди встреча с детьми, внуками. Они будут жить.

Анна увидела, как Степан опустился на колени гладит рукой траву и целует землю:

– Степан, ты чего? – спросила она дрогнувшим голосом, положив руку ему на плечо.

И почувствовала, что у него вздрагивают плечи и прорываются рыдания, он плакал. Степан плакал, как ребёнок, уткнувшись ей в плечо, вздрагивал и шептал: «Аннушка! Мы живы, живы...».

Она обняла его, он плакал, тело вздрагивало, но все тише и тише...

И у неё из глаз капали слезинки. Анна про себя шептала:

«Спасибо, Господи, спасибо, за ещё один подарок, за подаренную нам жизнь!».

Подъехало такси. Степан обернулся, и перекрестил здание госпиталя:

– Господи! Благослови, спаси медицинских работников, и даруй выздоровление больным, лежащим здесь!

Машина тронулась, набирая скорость, за окном мелькали деревья, дорога шла в гору, поворот за поворотом...

Они выжили и возвращались домой, и там, в больнице, осталась их прежняя жизнь, которая разделилась на «до» и «после».

Такси увозило их все дальше и дальше от госпиталя. Анна и Степан шептали слова молитвы, и слезы радости и боли, стояли у них в глазах: «Господи! Сохрани людей в белых халатах», – услышал, тихую молитву, водитель такси...

PS.

Этой повестью, мне хотелось поблагодарить людей в белых халатах, нашей великой страны, которые ежедневно совершают подвиг, спасая больных в ковидных госпиталях, работая в нечеловеческих условиях в средствах индивидуальной защиты, которые ежечасно рискуют своей жизнью, и жизнью своих близких, ради нас, простых людей, заболевших коронавирусной инфекцией. Работать в условиях инфекционного госпиталя в пандемию – это большое испытание для всех медицинских работников! На переднем фронте борьбы с невидимым, но таким коварным и жестоким, вирусом, который не щадит ни детей, ни стариков, находятся сегодня медицинские работники: врачи, фельдшера, медицинские сестры, санитарки, раздатчицы питания, водители скорой помощи, ковидных госпиталей, участковые врачи, и участковые медицинские сестры поликлиник, лаборанты. Всех перечислить невозможно. Эти люди в белых халатах живут в условиях военных действий, в условиях физических и моральных перегрузок, в условиях беспокойства о близких, падая от усталости и от перегрева в комбине зонах, подвергают себя риску заражения от больных ковидом.

А люди до сих пор имеют радужное представление о коронавирусе, каждый третий уверен, что он не заболеет, что ковид-19 – это «фейк»! И отсюда высокая степень недооценки создавшейся ситуации в мире! Врачи всех стран говорят о том,

что этот вирус постоянно мутирует, и ковид-19, это не тот вирус, который был описан в 2005 году, он тяжело протекающий, вызывающий воспаление лёгких, поражает сосуды всех органов, и заканчивается, без оказания квалифицированной медицинской помощи, смертью больного. Врачи обращаются к нам и просят следить за своей безопасностью, не пренебрегать ношением масок, мытьём с мылом и обработкой рук дезинфицирующими средствами, соблюдением дистанции в два метра, и обращением за помощью при первых признаках заболевания. Это те минимальные, необходимые меры, чтобы не заразиться коронавирусной инфекцией, или хотя бы отдалить встречу с этим злым и коварным вирусом и спасти свою жизнь!

Спасибо медицинским работникам за то, что защищают нас от страшной действительности, когда может вирус молниеносно превратить лёгкие человека в мёртвое «матовое стекло».

Врачи, не рассказывают о тех больных, которых им не удалось спасти, не называют их имён, и о количестве смертельных исходов, они не говорят. С каждым ушедшим из жизни пациентом, они чувствуют себя очень тяжело, но, если чужая беда не будет и их болью, то таким врачам, нужно уходить из медицины. Всем медикам сейчас нужна психологическая помощь. Они испытывают ежедневные психологические перегрузки.

«Вирус не любит паники и страха! Если боишься, – уходи, нельзя работать, иначе обязательно заразишься! Нужно здоровое, адекватное отношение, но и обязательно здоровая осторожность, и строгое следования инструкциям!», – так говорят медики, проработавшие в ковидных госпиталях по полгода.

О себе они говорят скромно, что они просто делают свою работу.

Медики шутят, смеются, не знают страха и усталости. Они работают без выходных. Каждая смена у медработников – это вызов их опыту и профессионализму, человечности, и выносливости! Мы благодарим всех медицинских работников, кто в условиях пандемии, в нынешних обстоятельствах, ещё сохранил и проявил все эти качества!

Поражает и несоответствие цифр официальной статистики и той картины, что видят медицинские работники у себя в

инфекционных госпиталях. Почему?! Кому нужно занижение цифр количества заболевших и умерших от ковида-19?!

На этот вопрос мне так никто и не ответил.

Низко Вам поклониться хочу, медицинские работники, за ваш профессионализм, за вашу силу духа, терпение, выносливость, за сострадание, человечность, за ваш героический труд!

Эта невидимая война, обязательно, закончится, вы найдёте лекарство от ковида-19, и будут спасены миллионы жизней.

И пусть каждого из вас наградят медалью за мужество! Вы это заслужили своим трудом!

Низко Вам поклониться хочу...

06.10.2020 Галина Шпрингер

© Copyright: Галина ШПРИНГЕР, 2020

Свидетельство о публикации №220100701840

Рисунки Елены САВЕНОК